

Д. В. Волошин

Школьно-курсовая профессиональная подготовка служащих мест заключения во второй половине 1920-х гг.

В статье с историко-педагогического ракурса рассматриваются организационно-педагогические основы профессиональной подготовки служащих мест заключения РСФСР, осуществлявшейся на специальных курсах и в специальных школах во второй половине 20-х гг. XX в. В рамках исследования не анализируется обязательная на тот момент для всех служащих мест заключения служебно-боевая подготовка, осуществлявшаяся вне школьно-курсовой сети непосредственно по месту службы и без отрыва от нее.

Проведенный историко-педагогический анализ позволяет констатировать, что к концу 20-х гг. прошлого века в советской России сформировались концептуальные основы профессиональной подготовки специалистов для мест лишения свободы, реализуемые, в основном, посредством пенитенциарных курсов и специализированных отделений специальных ведомственных школ Народного комиссариата внутренних дел. Возросший интерес государства и пенитенциарного ведомства к централизованной, плановой профессиональной подготовке советских служащих мест заключения во второй половине 1920-х гг. заложил основу ее дальнейшего генезиса в советское время.

Ключевые слова: история образования, кадровая политика, пенитенциарный персонал, профессиональная подготовка, служащие мест заключения, курсовая подготовка.

D. V. Voloshin

Schools and Courses for Professional Penitentiary Staff Training in the second half of 1920-s

In the article the organizational and pedagogical basis of professional penitentiary staff training in RSFSR is regarded from a historical and pedagogical point. This training was organized in special courses and schools in the second half of 1920-s. The author does not analyze service and military training, which was obligatory for all penitentiary staff of that time and was provided outside of schools and courses directly on the workplace without interfering in it.

This historical and pedagogical analysis allows us to state that a conceptual basis of penitentiary staff training, realized mainly through penitentiary courses and special departments of schools of People's Commissariat of Internal Affairs had been formed in Soviet Russia by the end of 1920-s. Government and penitentiary department's rising concern in centralized systematic professional penitentiary staff training in the second half of 1920-s formed the basis for its further development in the Soviet period.

Keywords: history of education, human resources policy, penitentiary staff, professional training, course training.

На современном этапе развития правоохранительных органов историко-педагогическое исследование становления и развития профессиональной подготовки (далее – профподготовка) отечественного пенитенциарного персонала¹ обусловлено необходимостью не только анализа опыта прошлого, но и возможностью трансляции в современность. Историко-педагогической наукой при рассмотрении генезиса подготовки отечественного пенитенциарного персонала еще не оценены по достоинству место и роль их школьно-курсового обучения во второй половине 1920-х гг.

Исполняя решения II Съезда работников пенитенциарного дела РСФСР (далее – Второй Съезд), с 18 января 1925 г. [12, с. 119] в столице начали действовать открытые ГУМЗ: «краткосрочные курсы – «занятия» по повышению ква-

лификации командного состава» мест заключения Москвы и губернии [3, с. 31]. Немного позже – «1 февраля того же года Ленинградской Губинспекцией мест заключения были открыты аналогичные... курсы для работников пенитенциарных учреждений г. Ленинграда и губернии» [1, с. 71].

Здесь хотелось бы уточнить содержание категории «повышение квалификации», используемой в 1920-е гг. Порою в одном документе или даже у одного автора этот термин механически заменялся на термин «переподготовка» и наоборот. В большинстве случаев их сущностная и содержательная характеристики не разделялись, а смешивались [1, 3]. Отсюда, по нашему мнению, они объективно не могут отождествляться с аналогичными видами учебной деятельности современности.

Изучение тематики занятий, состава преподавателей московских [4] и ленинградских курсов [12, с. 120], обладавших высоким профессиональным уровнем, и привлечение в их число видных ученых, известных в различных отраслях науки, позволило выявить преемственность в содержании, основных организационных формах и дидактических принципах профподготовки пенитенциарного персонала.

Столичные курсы были представлены более широким спектром учебных дисциплин, правда, схожих «в основных своих чертах» с ленинградскими. Ознакомление с недавно принятым Исправительно-трудовым кодексом было ожидаемым, объективно необходимым и практически востребованным (вместе с основами пенитенциарной науки они занимали около 30 % бюджета курсового учебного времени). Включение в учебный план изучения криминальной психопатологии и основ психологии может подтверждать наши слова о встраивании в процесс профподготовки пенитенциарного персонала современных и актуальных научных знаний, доступных на тот момент очень немногим специалистам. Несколько особняком стоят «Основы пенитенциарной архитектуры». Для того времени, наверное, не было лишним ознакомление слушателей с требованиями, «которым должны отвечать» современные места заключения, а также возможностью приспособления под них уже «существующих зданий». В рамках этой учебной дисциплины проведены также лекции по «ознакомлению аудитории с устройством театральной сцены, оборудованию синемаграфическими будками». В то же время на ленинградских курсах «эсклюзивно» освещалась проблематика несовершеннолетних правонарушителей, что было весьма актуально при тогдашнем уровне беспризорности. Занятия проводил П. Г. Бельский – ученый, посвятившего борьбе с этим явлением многие годы [12, с. 120].

Выступая ответной реакцией на критику ГУМЗ, прозвучавшую на Втором Съезде, курсы остались, к сожалению, разовой «столичной» акцией и не стали «в силу материальных затруднений» всероссийскими [1, с. 72].

Решая данную проблему, в 1925 г. ГУМЗ инициировал новый образовательный тренд: профподготовка пенитенциарного персонала при специальных «милицейских» школах. Выбор для реализации поставленных образовательных задач был, конечно, не случаен. Во-первых, ГУМЗ и милицееское «ведомство» входили в состав од-

ного Народного комиссариата – внутренних дел, отсюда уменьшение задержек при согласованиях и отсутствие противоположения друг другу у слушательских категорий. Во-вторых, к этому времени уже завершился период формирования милицейского школьно-курсового звена, представленного относительно разветвленной сетью [6, с. 3]. В-третьих, милицееская образовательная модель являлась к этому времени наиболее близкой по форме и методам профподготовки и испытывала схожие кадровые и методические проблемы.

Новая образовательная инициатива впервые была реализована в милицееской школе «среднего командного состава в г. Хабаровске», куда 15 февраля 1925 г. «командируются для специальной подготовки» 11 служащих мест заключения Дальневосточного края [2, с. 34; 3, с. 31]. Данный опыт интересен тем, что при распределении выпускников решающим было мнение педагогического совета школы – с учетом отношения курсантов к учебе и личностных качеств он определял выпускнику конкретную руководящую должность на будущем месте работы [2, с. 34].

Несомненно, профподготовка пенитенциарного персонала в «милицееских» школах по специальным образовательным программам была для того времени весьма прогрессивным решением. Актуализация ГУМЗом этого направления становится более заметной и структурно логичной. Однако, например, в Сибири пенитенциарное отделение было открыто только в мае 1928 г. во 2-й Школе административно-милицееских работников НКВД [6, с. 4]. В тот же год аналогичный процесс для повышения квалификации надзирательского состава проходил «при милицееских школах» в Саратове, Свердловске и Новосибирске [3, с. 31]. Причем их число неуклонно сокращалось: уже летом 1929 г. при планировании приема на пенитенциарные отделения школ НКВД на 1929–1930 учебный год говорилось о трех школах: 2-й (г. Омск), 4-й (г. Свердловск), 5-й (г. Саратов) [7, с. 513]. При этом, например, в 1928 г. был единственный на все школы выпуск из пенитенциарного отделения (в 4-й школе НКВД). Его закончили всего 20 человек, что составило $\approx 15,15\%$ от числа выпускников этой школы и $\approx 3,14\%$ от общего числа всех окончивших в тот год школы НКВД² [9]. В то же время состав служащих мест заключения заменился на 74 % [10, с. 3].

Вполне логичном и объективно оправданным выглядело решение НКВД «пропускать через

школы и курсы» только «лучших из работников» мест заключения. Однако в практических органах это не всегда находило поддержку и понимание. Иногда руководители демонстрировали негативное отношение к необходимости профподготовки или, опасаясь конкуренции со стороны выпускников, назначали их на малозначительные должности [11, с. 14–15].

27 февраля 1926 г. произошло самое заметное событие года в «образовательной жизни» ГУМЗ: были открыты московские пенитенциарно-педагогические курсы [1, с. 71; 3, с. 31] (далее – МППК).

Образовательная концепция МППК была нацелена на решение ряда дидактических задач: во-первых, «сообщить» слушателям «необходимый запас пенитенциарно-педагогических знаний и профессиональных навыков»; во-вторых, «углубить и расширить на основе новейших методических достижений Советской пенитенциарии и педагогики их общее образование и общественно-политическое развитие в целях наибольшего овладения избранной слушателями специальностью» [1, с. 72].

Таким комплексным подходом решались весьма актуальные для постреволюционной России проблемы – крайне низкий уровень общей образованности и недостаточное число новых подготовленных компетентных специалистов. «Общественно-политическое развитие» осуществлялось, конечно, не столько ради цели, озвученной в приведенной выше цитате, сколько в качестве идеологического компонента МППК, его обязательной целевой установки.

Занятия на МППК «велись частью при помощи лекционного метода», а также путем популярной в 1920-е гг. «лабораторной проработки отдельных научных проблем» [1, с. 72]. Нам такие «проработки» более понятны в виде практических (включая учения и деловые игры) занятий. Само же сочетание лекционного материала и отработки практических профессиональных навыков является в современности классической формой проведения учебных занятий по профподготовке кадров для правоохранительных органов.

К чтению лекций и «руководству практическими занятиями» были привлечены научные работники и сотрудники Государственного института по изучению преступности и преступника, Народного комиссариата просвещения (далее – Наркомпрос) и Московского отдела народного образования. Это, по мнению инициатора

МППК Ю. Бехтерева, «знаменует собою наиболее полную согласованность в культурно-просветительной работе» НКВД и Наркомпроса и «обеспечивает наивозможно скорейшее перенесение на нее всех новейших методических достижений Наркомпроса» [1, с. 73].

Пенитенциарные курсы 1925 г. и МППК виделись современникам одним «из начальных этапов повышения квалификации работников исправительно-трудового дела» [1, с. 73]. Дальнейший генезис процесса их профподготовки проходил уже путем включения в этот процесс высших государственных административных институтов через создание собственного учебного заведения (школы или курсов), способного обеспечить более высокий уровень профподготовки, в том числе руководящих работников пенитенциарных учреждений. Переход решения проблемы на более высокий уровень predetermined ее дальнейший вектор: создание самостоятельного учебного заведения для подготовки служащих мест заключения.

Так, в марте 1928 г. принимается Постановление ВЦИК и СНК РСФСР, где, в числе прочих новелл, НКВД было предложено «разработать мероприятия по улучшению качественного состава служащих мест заключения, в частности, путем организации курсов по поднятию» их квалификации [8, с. 418].

Таким учебным заведением можно считать учрежденные в Москве с 1 октября 1929 г., в соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР от 8 июля того же года, «полуторогодичные Высшие курсы по исправительно-трудовому делу НКВД, состоящие в ведении Главпрофобра Наркомпроса и находящиеся под непосредственным учебно-методическим руководством декана педфака 2 МГУ» [3, с. 31] (далее – Высшие курсы). Подобная форма «руководства» являлась на тот момент достаточно новой моделью: педагогический факультет университета в лице своего руководителя осуществлял методическое обеспечение образовательного процесса.

Решая образовательные задачи, организаторы стремились добиться у выпускников квалификации, достаточной для успешного и правильного проведения «в жизнь исправительно-трудовой политики на местах» [3, с. 33], не забывая при этом «иметь в виду, что пенитенциарный работник меньше всего является «юристом», а обучение должно быть «тесно связано» с пенитенциарной деятельностью и «изучением самих преступников» [5, с. 71].

Образовательный процесс выстраивался на принципах сочетания теории с практическим ее закреплением, предусматривал «проработку всех научных дисциплин в семинариях». С третьего триместра под руководством преподавателей вводилась производственная практика в московских местах заключения: выполнение работ по основам режима мест заключения и (на четвертом триместре) специальными дисциплинами. На последнем этапе обучения предусматривался двухмесячный, уже самостоятельный, «практикум» [3, с. 33] по современной педагогической терминологии – стажировка в практических органах.

В заключение подчеркнем, что в основе профподготовки пенитенциарного персонала был реализован принцип сочетания теории и практики, характерный и для царского времени (с 1899 г.), и для Временного правительства, что может демонстрировать определенную преемственность образовательных начинаний.

Отличительной особенностью профподготовки служащих мест заключения рассмотренного периода являлось также практико-ориентированное обучение совместно с общеобразовательной подготовкой и формирование у них профессионально-личностных качеств, позволяющих умело выстраивать отношения с различными группами заключенных.

В 1920-е гг. многие слушатели школьно-курсового звена были малограмотными, имели низкий общеобразовательный уровень, но, несмотря на это, с середины 1920-х гг. для них реализуется новаторский подход к изучаемым дисциплинам и начинает преподаваться психология, в скором времени забытая и «реабилитированная» лишь в послевоенное время (1960-е).

Можно констатировать, что к концу 1920-х гг. в Советской России сложилась школьно-курсовая система профессиональной подготовки советских служащих мест заключения. Реализация образовательных начал осуществлялась на различных курсах, в том числе централизованных Высших Курсах, и на базе специализированных отделений специальных школ НКВД РСФСР

Библиографический список

1. Бехтерев, Ю. К вопросу о повышении квалификации работников пенитенциарного дела (Московские пенитенциарно-педагогические курсы) [Текст] / Ю. Бехтерев // Право и жизнь. – 1926. – Кн. 6–7. – С. 69–73.

2. Бехтерев, Ю. К вопросу о подготовке работников исправительно-трудового дела [Текст] / Ю. Бехтерев // Административный вестник. – 1926. – № 11. – С. 32–36.

3. Бехтерев, Ю. К открытию Высших курсов по исправительно-трудовому делу [Текст] / Ю. Бехтерев // Административный вестник. – 1929. – № 8. – С. 31–33.

4. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 4042. Опись 2. Дело 252. Лист 332.

5. Исаев, М. Повышение квалификации работников исправительно-трудового дела [Текст] / М. Исаев // Административный вестник. – 1929. – № 4. – С. 69–72.

6. Кожевина, М. А. Омская милицейская школа в системе профессионального образования МВД России: этапы развития [Текст] / М. А. Кожевина // Научн. вестн. Омск. акад. МВД России. – 2010. – № 2 (37). – С. 3–6.

7. Об укомплектовании работниками м/з пенитенциарных отделений школ адм-мил. работников в 1929/30 году. Приказ нач. ГУМЗ и нач. Милиции от 19/22 июня 1929 г. № 36/256 [Текст] // Бюллетень НКВД РСФСР. – 1929. – 1 июля. – № 25 (326). – С. 512–513.

8. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР по докладам Народного Комиссара юстиции и Народного Комиссара внутренних дел о карательной политике и состоянии мест заключения [Текст] // Еженедельник советской юстиции. – 1928. – 16 апреля. – № 14. – С. 417–419.

9. Список окончивших в 1928 г., школы НКВД административно-милицейских работников [Текст] // Бюллетень НКВД РСФСР. – 1929. – 12 января. – № 1–2 (302–303). – С. 15–19.

10. Уроки истекшего года [Текст] // Административный вестник. – 1929. – № 10. – С. 1–3.

11. Утевский, Б. На октябрьском совещании начальников адмотделов и их помощников по исправительно-трудовой части [Текст] / Б. Утевский // Административный вестник. – 1929. – № 12. – С. 9–15.

12. N. N. Занятия по пенитенциарному делу [Текст] / N. N. // Право и жизнь. – 1925. – Кн. вторая – третья. – С. 118–121.

Bibliograficheskiy spisok

1. Behterev, Ju. K voprosu o povyshenii kvalifikacii rabotnikov penitenciarного dela (Moskovskie penitenciarно-pedagogicheskie kursy) [Tekst] / Ju. Behterev // Pravo i zhizn'. – 1926. – Kn. 6–7. – S. 69–73.

2. Behterev, Ju. K voprosu o podgotovke rabotnikov ispravitel'no-trudovogo dela [Tekst] / Ju. Behterev // Administrativnyj vestnik. – 1926. – № 11. – S. 32–36.

3. Behterev, Ju. K otkrytiju Vysshih kursov po ispravitel'no-trudovomu delu [Tekst] / Ju. Behterev // Administrativnyj vestnik. – 1929. – № 8. – S. 31–33.

4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. Fond 4042. Opis' 2. Delo 252. List 332.

5. Isaev, M. Povyshenie kvalifikacii rabotnikov ispravitel'no-trudovogo dela [Tekst] / M. Isaev // Administrativnyj vestnik. – 1929. – № 4. – S. 69–72.

6. Kozhevina, M. A. Omskaja milicejskaja shkola v sisteme professional'nogo obrazovanija MVD Rossii: jetapy razvitija [Tekst] / M. A. Kozhevina // Nauchn. vestn. Omsk. akad. MVD Rossii. – 2010. – № 2 (37). – S. 3–6.

7. Ob ukomplektovanii rabotnikami m/z penitenciar-nyh otdelenij shkol adm-mil. rabotnikov v 1929/30 godu. Prikaz nach. GUMZ i nach. Milicii ot 19/22 ijunja 1929 g. № 36/256 [Tekst] // Bjulleten' NKVD RSFSR. – 1929. – 1 ijulja. – № 25 (326). – S. 512–513.

8. Post. VCIK i SNK RSFSR po dokladam Narodnogo Komissara justicii i Narodnogo Komissara vnutrennih del o karatel'noj politike i sostojanii mest zaključenja [Tekst] // Ezhenedel'nik sovetskoj justicii. – 1928. – 16 aprelja. – № 14. – S. 417–419.

9. Spisok okonchivshih v 1928 g., shkoly NKVD administrativno-milicejskih rabotnikov [Tekst] // Bjulleten' NKVD RSFSR. – 1929. – 12 janvarja. – № 1–2 (302–303). – S. 15–19.

10. Uroki istekshego goda [Tekst] // Administrativnyj vestnik. – 1929. – № 10. – S. 1–3.

11. Utevsij, B. Na oktjabr'skom soveshhanii nachal'nikov admotdelov i ih pomoshhnikov po ispravitel'no-trudovoj chasti [Tekst] / B. Utevsij // Administrativnyj vestnik. – 1929. – № 12. – S. 9–15.

12. N. N. Zanjatija po penitenciar'nomu delu [Tekst] / N. N. // Pravo i zhizn'. – 1925. – Kn. vtoraja – tret'ja. – S. 118–121.

¹ Термины «пенитенциарный персонал» и «служащие мест заключения» мы используем как тождественные.

² Подсчитано нами.